

В. Г. Белинский

От Белинского

Виссарион Григорьевич Белинский

От Белинского

«Недавно вступив на литературное поприще, еще не успев осмотреться на нем, я с удивлением вижу, что редким из наших литераторов удавалось с таким успехом, как мне, обращать на себя внимание, если не публики, то по крайней мере своих собратий по ремеслу. В самом деле, в такое короткое время нажить себе столько врагов, и врагов таких доброжелательных, таких непамятозлобивых, которые, в простоте сердечной, хлопочут из всех сил о вашей известности, – не есть ли это редкое счастье?..»

Виссарион Григорьевич Белинский От Белинского

«Подьячей стал судиею Парнаса и утвердителем вкуса московской публики! – Конечно, скоро представление света будет. Но неужели Москва более поверит подьячему, нежели г. Вольтеру и мне; и неужели вкус жителей московских сходен со вкусом сево подьячего?»

Сумароков[1].

Недавно вступив на литературное поприще, еще не успев осмотреться на нем, я с удивлением вижу, что редким из наших литераторов удавалось с таким успехом, как мне, обращать на себя внимание, если не публики, то по крайней мере своих собратий по ремеслу. В самом деле, в такое короткое время нажить себе столько врагов, и врагов таких доброжелательных, таких непамятозлобивых, которые, в простоте сердечной, хлопчут из всех сил о вашей известности, – не есть ли это редкое счастье?.. Я до такой степени удостоен судьбою этого счастья, что имел бы право почесть себя очень замечательным человеком, если б враги-приятели мои были хоть сколько-нибудь замечательны: одно только это неприятное обстоятельство охлаждает порывы моего самолюбия... А то, право, какая внимательность ко мне, какое уважение! В «светских» журналах стреляют в меня намеками, разбором моих фраз, выносками[2]. Один петербургский журнальчик, находящийся в коротких связях с «светскими» журналами и в то же время проданный душой и телом «Библиотеке для чтения», как уверяет

она сама, величает меня по отчеству и по фамилии, впрочем искажая их с умыслом, чтоб показать свое остроумие; угощает винегретом не только из ругательств и клевет, за которые я ему очень благодарен, но даже и похвал, которые меня начинают очень беспокоить; перепечатывает мои статьи, предварительно расхвалив их и разбранивши меня[3]. Наконец, с некоторого времени мои великодушные неприятели начали приписывать мне все замечательные статьи в «Телескопе» за нынешний год, под которыми не значится полного имени. Так, в помянутом петербургском журнальчике, находящемся на содержании у «Библиотеки для чтения» и на послугах у «светских» журналов, приписана мне повесть «Она будет счастлива», повесть, обнаруживающая в неизвестном авторе неподдельный талант, живое чувство и умение владеть языком;[4] так, в № 169 «Северной пчелы» мне же приписана статья об игре гг. актеров здешнего театра в «Ревизоре» г. Гоголя[5]. Мне было бы очень приятно подписать свое имя под обеими этими статьями, но долг справедливости повелевает мне отклонить от

себя незаслуженную честь. Впрочем, это все бы еще ничего. По поводу последней статьи некий титулярный советник Иван Евдокимов сын Покровский принес на меня издателям «Пчелы» длинную челобитную, начинающуюся и оканчивающуюся клятвенным уверением, что он не литератор, в чем всякой ему охотно поверит и без уверений. Я не хочу опровергать его нападок на самую статью, предоставляя это сделать ее автору, хотя и согласен с большею частию мнений, выраженных в этой статье с талантом, умением и знанием своего дела; скажу только несколько слов о прицепках г. титулярного советника, относящихся ко мне лично.

*Он*й титулярный советник Иван Евдокимов сын Покровский, в вышереченной своей челобитной, обносит меня «престрогим» человеком, «которому якобы нет никакой возможности угодить». Против этого я не спорю; я в самом деле не люблю потачек, когда дело идет об истине, о благе искусства. Но вышереченный титулярный советник *сим* не довольствуется. Вслед за тем он доносит на меня, что я закричал когда-то о г. Каратыгине: «Не надо

нам актера аристократа!»[6] – и присовокупляет потом следующие язвительные речи, по которым легко можно видеть, что г. титулярный советник больше чем не литератор, что он не имеет понятия не об одних литературных приличиях: «А из всех-де творений г. Белинского заметно, что, по его мнению, тот, кто носит чистое белье, моет лицо, и от кого не пахнет ни чесноком, ни водкою, аристократ». Та! та! та! г. титулярный советник. Такие речи не делают чести вашему благородному обонянию, или по крайней мере показывают решительное невнимание к обонянию издателей и читателей «Северной пчелы». Знаете ли, что ныне уж и в порядочных ресторациях не говорят вслух о «чесноке» и «водке»? Но претензия моя не в том: эти речи вовсе не резонны и никак до меня не касаются. Что в моих глазах опрятность, литературная и житейская, есть не порок, а достоинство, тому может служить торжественным доказательством мое отвращение к повестям и романам гг. Ушакова и Загоскина, от героев и героинь которых точно нередко попахивает «чесночком» и «водочкой» (да простят мне

читатели это уменьшительное повторение выражений г. титулярного советника!). И нигде так сильно не выразилось мое отвращение от этого литературного цинизма, столь несвойственного аристократии, как в моем отзыве о комедии г. Загоскина «Недовольные»[7], герои которой хотя и причислены своим автором к аристократам, то есть людям высшего круга общества, но выражаются языком тех особ, которые редко «моют лицо», еще реже «меняют белье», и от которых... (ох! опять было проговорился выражениями г. титулярного советника!). Итак, зачем же такая на меня ябеда? – Нет! я имею столь высокое понятие об аристократии, что по одному употреблению этих слов, которыми так щеголяет г. титулярный советник, не сочту его аристократом, хотя б даже он был и другой какой советник повыше!..

Впрочем, кто знает настоящий ранг почтенного нелитератора, скрывшегося под скромным именем титулярного советника? Из слов его видно, что он имеет большой круг деятельности, силу немаловажную, по крайней мере для гг. актеров...[8] «Ну, рассудите

сами, – продолжает *доносить* на меня *оный* мнимый или истинный Иван Евдокимов сын Покровский, – как же после этого какой-нибудь порядочный артист, который *дорожит своим местом*, может угодить г. Белинскому?» – В своем деле никто не судья – вот мое правило; и потому я не почитаю себя вправе доказывать, чтобы кто-нибудь мог и должен был дорожить моим мнением; но нельзя не остановиться здесь на выражении: «артист, который *дорожит своим местом*». Аллах керим! что это значит? Почтенный титулярный советник не дает ли этим знать, что актер, который подорожил бы моим мнением или последовал бы моему совету, вследствие своей доброй воли и своего убеждения, должен «лишиться места»?.. Странно!.. Этот г. титулярный советник что-то очень грозен?..

Из последующих *пунктов* вышесказанной челобитной видно, что она писана не столько в обличение статьи г. А. Б. В., помещенной в «Молве», сколько с намерением сделать извет на меня, и, вдобавок еще, не как на литератора, а как на человека. – «Он (то есть я) что-то особенно гневается на здешний театр, – веща-

ет г. титулярный советник, – может быть, за то, что в нем места кажутся ему слишком дороги». – Я не хочу здесь спрашивать г. титулярного советника, каким образом мог он заглянуть в мои карманы, когда я для него их не выворачивал; замечу только, что места в нашем театре, сравнительно с удовольствием, которое он доставляет зрителям, точно немного дороговьки, и, верно, не для одного меня; в противном случае отчего ж он так редко бывает полон и так часто пуст?

Больше говорить нахожу не нужным, сколько потому, что *не о чем*, столько и потому, что, говоря словами вышеписанного титулярного советника, «я человек смирный и чистоплотный». Одно только считаю долгом повторить здесь во всеуслышание, как для публики, так и для мнимого или истинного титулярного советника Ивана Евдокимова сына Покровского, что я, по отпуске *сей* статьи, остаюсь при том же мнении, как был и до отпуски *оной*, то есть, что «Ревизор» г. Гоголя превосходен, а «Недовольные» г. Загоскина... что делать?.. очень плохи.

Комментарии

Эпиграф взят из предисловия Сумарокова к «Димитрию Самозванцу» (СПб., 1807, с. VI).

[^^^]

Белинский имеет в виду полемические замечания Вяземского, в частности, его прим. (выноску) к статье о «Ревизоре» (см. об этом прим. 12 к рецензии «Вторая книжка «Современника»).

[^^^]

Петербургский журнальчик — это «Литературные прибавления к Русскому инвалиду». В «Библиотеке для чтения» (1836, т. XVII, отд. VI) об этом издании говорилось: «У нас есть один такой журналец свой, проданный нам телом и душою, с которым мы заключили формальный контракт, на весьма выгодных для него условиях, чтобы он... бранил «Б<иблиотеку> для ч<тения>» «в каждом своем листочке...» (с. 1–2). Редактор «Литературных прибавлений...» А. Воейков (псевдоним – А. Кораблинский) систематически нападал также на Белинского, умышленно искажая его фамилию («Белынский»).

[^^^]

Автор повести «Она будет счастлива. Эпизод из воспоминаний о петербургской жизни» («Телескоп», 1836, ч. XXXII, № 7, подпись: Ив. П-в) – И. Панаев. А. Воейков писал в «Литературной заметке»: «Хотя под нею (повестью) подписано: Ив. П-в, но мы давно не верим в подписные литеры и даже, пускаясь в догадки, подозреваем г. Виссариона Белинского, в ее сочинении» («Литературные прибавления к Русскому инвалиду», 1836, № 59 и 60).

[^^^]

Статья, посвященная постановке «Ревизора» на московской сцене, была опубликована в «Молве», 1836, № 9, за подписью: А. Б. В. Автор статьи – Н. Надеждин (см. С. Осовцов. А. Б. В. и другие. – «Русская литература», 1962, № 3). В этой статье, между прочим, был задет М. Загоскин, автор комедии «Недовольные». Говоря о нападках Булгарина и Сенковского на «Ревизора», рецензент «Молвы» писал: «напрасно... уверяли они, что... «Горе от ума» хуже «Недовольных» г. Загоскина, а «Ревизор» хуже «Горе от ума»: все было напрасно» (см.: Надеждин, с. 472). В ответ на эту статью в «Северной пчеле» (1836, № 169, 27 июля) появилась заметка «К издателям «Северной пчелы» за подписью «Титулярный советник Иван Евдокимов сын Покровской, Москва, 9-го июня 1836». Сочинитель этого письма (по-видимому, Загоскин) нападал на Белинского, считая его автором упомянутой рецензии в «Молве».

См. в наст. т. статью Белинского «И мое мнение об игре г. Каратыгина».

[^^^]

См. в наст. т. рецензию Белинского «Недовольные... соч. М. Н. Загоскина...».

[^^^]

М. Загоскин был управляющим конторою императорских московских театров, позднее (с 1837 г.) – директором императорских московских театров.

[^^^]